

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ПРОДАВЕЦ ОБУВИ

ФИЛ НАЙТ

ИСТОРИЯ КОМПАНИИ NIKE,
РАССКАЗАННАЯ ЕЕ ОСНОВАТЕЛЕМ

Фил Найт
Продавец обуви.
История компании Nike,
рассказанная ее основателем
Серия «Top Business Awards»
Серия «Бестселлеры саморазвития»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101218

Продавец обуви. История компании Nike, рассказанная ее основателем:

Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-86267-2

Аннотация

Когда-то молодой, неудержимый, только что окончивший бизнес-школу Фил Найт занял у отца 50 долларов, чтобы открыть собственную компанию с одной простой миссией: импортировать недорогую и высококачественную обувь из Японии. Сегодня годовой оборот компании Nike составляет 30 миллиардов долларов. А пара найков найдется в шкафу у каждого – от президента до подростка.

Эта книга расскажет, как все начиналось:

[ul]Что стало с официанткой, нарисовавшей логотип за 30 долларов?

Как авиаинженер из NASA придумал знаменитые Air Max?

Какова связь между вафельницей и инновационной рифлёной подошвой?[/ul]

И сотни других грустных, поучительных, порой дурацких и невероятно откровенных рассказов из жизни компании, покоровшей мир.

Just Read It!

Содержание

Рассвет	6
Часть первая	15
Безумная идея	15
Будьте тиграми!	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Фил Найт

Продавец обуви.

История компании

Nike, рассказанная

ее основателем

© Царев В. М., перевод, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В уме новичка таится множество возможностей, в уме знатока — всего лишь несколько.

Шунрю Сузуки, «Суть Дзен. Ум новичка»

Рассвет

Я пробудился раньше других, еще до птиц и до восхода солнца. Выпил чашку кофе, с жадностью проглотил кусок тоста, натянул шорты с фуфайкой и зашнуровал свои зеленые кроссовки, после чего тихо выскользнул через заднюю дверь.

Разминая ноги, потягивая мышцы задней поверхности бедер и нижней части спины, буквально принуждая себя преодолевать боль, возникшую при первых же шагах, я со стоном побежал по холодной дороге, уходившей в туман.

Почему всегда бывает так трудно начинать?

Вокруг не было ни машин, ни людей, никаких признаков жизни. Я был совершенно один, будто весь мир существовал только для меня, хотя казалось, что деревья странным образом ощущают мое присутствие. Но, опять же, дело происходило в штате Орегон. Деревья здесь всегда, казалось, все знали. Деревья всегда вас прикрывали, подстраховывая.

Что за прекрасное место, чтобы родиться здесь? – думал я, оглядываясь вокруг. Спокойное, зеленое, безмятежное. Я с гордостью называл Орегон своим домом, гордился называть маленький Портленд местом своего рождения. Но ощущал я и боль сожаления. Хотя Орегон и был красив, он производил на некоторых впечатление места, где никогда не происходило ничего значительного и где вряд ли что-то зна-

чительное произойдет когда-либо. Если мы, орегонцы, и были знамениты благодаря чему-то, то только благодаря тому старому-престарому пути, проложенному нами, чтобы прийти сюда. С тех пор все остальное стало весьма заурядным.

Лучший учитель из всех, бывших у меня, один из лучших людей, которых я когда-либо знал, часто говорил об этом пути. Это наше право, данное нам генетически, бывало, с каким-то трубным рыком убеждал он. Наш характер, наша судьба, наша ДНК. *«Трусы никогда ничего не начинали, – повторял он. – Слабые умирали в пути. Это значит, что остались только мы».*

Мы! Мой учитель верил, что на этом пути был обнаружен некий редчайший штамм пионерского духа, некое незаурядное, выходящее за рамки обычного ощущение *возможности*, не оставлявшее места для пессимизма, – и наша, орегонцев, задача заключалась в том, чтобы сохранить этот штамм живым.

Я кивал ему в знак полного уважения. Я любил этого парня, но, уходя, иногда задумывался: бог ты мой! Это ж была просто проселочная дорога.

В то туманное утро, в то знаменательное утро в 1962 году я только что проложил свой собственный, мысленный путь – обратно домой спустя семь долгих лет. Странно было вновь оказаться дома, странно было вновь оказаться под дождем, лившим день за днем. Незнакомец все еще жил, как и прежде, вместе с моими родителями и сестрами-близняш-

ками, и спал в моей детской постели. Глубокой ночью я, случалось, лежал на спине, уставившись взглядом в свои учебники для занятий в колледже, на кубки и наградные голубые ленты, полученные мною в школьные годы, и думал: я ли это? *Все еще?*

Я ускорил бег. От моего дыхания образовывались шаровидные морозные облачка, которые, закручиваясь, отлетали и поглощались туманом. Я в буквальном смысле смаковал это первое физическое пробуждение, этот чудесный момент перед тем, как сознание полностью прояснится, когда в твоих конечностях и суставах впервые начинает ослабевать напряжение, а материальное тело начинает как бы таять. Перетекать из твердого состояния в жидкое.

Быстрее, говорил я себе. Быстрее.

На бумаге, думал я, выходило, что я взрослый. Окончил хороший колледж – университет штата Орегон. Получил степень магистра в лучшей бизнес-школе – Стэнфорде. Выжил после службы в армии США в течение года – в Форт-Льюисе и Форт-Юстисе. В моем резюме сообщалось, что я хорошо обученный, опытный солдат, полностью сформировавшийся 24-летний мужчина... Так почему же, задавался я вопросом, почему же я все еще чувствую себя ребенком?

Хуже того, не ребенком, а тем же застенчивым, бледным, худым как щепка мальчишкой, каким я всегда был. Может, потому, что я все еще ничего не испытал в жизни. И меньше всего – ее многочисленных соблазнов и волнений. Я и сига-

реты еще не выкурил, и дури не попробовал. Не нарушил ни одного правила, не говоря уж о нарушении закона. 1960-е годы уже неслись во весь опор, годы бунтарства, а я оставался единственным человеком во всей Америке, который еще не взбунтовался. Я и представить себе не мог, что сорвусь с цепи, сделаю что-то неожиданное.

Я даже никогда не встречался с девчонкой.

Если я и имел склонность к размышлению обо всем том, чем я *не был*, то причина была простой – это было то, что я мог представить себе лучше всего. Оказалось, что мне труднее сказать, кем или чем именно я *был* или же мог бы стать. Как и все мои друзья, я хотел быть успешным. В отличие от моих друзей, я не знал, что это означало. Деньги? Возможно. Жену? Детей? Дом? Несомненно, но только если мне повезет. Это были те цели, к которым меня научили стремиться, и какая-то часть меня как личности действительно стремилась к ним – инстинктивно. Но в глубине души я искал нечто иное, нечто большее. Какое-то ноющее чувство подсказывало мне, что наше время коротко, оно короче, чем мы думаем, оно так же коротко, как утренняя пробежка, а я хотел, чтобы мое время было наполнено смыслом. Было целеустремленным. Творческим. Важным. И, превыше всего... иным.

Я хотел оставить свой след в мире.

Хотел победить.

Нет, не то. Я просто не хотел проиграть.

И затем это произошло. Когда мое молодое сердце с силой забилося, когда мои розовые легкие раскрылись, как крылья у птицы, когда деревья покрылись густой зеленой дымкой, я все это четко увидел перед собой, увидел, к чему я стремлюсь и чем именно должна стать моя жизнь. Игрой.

Да, думал я, вот оно. Именно это слово. Тайна счастья, как я всегда предполагал, суть красоты, или истины, или всего того, что нам вообще следует знать о том или другом, скрывалась где-то в том мгновении, когда мяч висит в воздухе, когда оба боксера предчувствуют скорый удар гонга, когда бегуны приближаются к финишной черте, а толпа зрителей встает в едином порыве. Есть некая бьющая энергией через край, торжествующая ясность в этой пульсирующей полусекунде перед тем, как решится вопрос о победе и проигрыше. Я хотел, чтобы это, чем бы оно ни было, стало моей жизнью, моей каждодневной жизнью.

В разное время я фантазировал о том, как стану известным писателем, знаменитым журналистом, великим государственным деятелем. Но моей заветной мечтой всегда оставалось стать великим спортсменом. К сожалению, судьбой мне было предначертано стать хорошим, но не великим. В двадцать четыре года я наконец смирился с этим фактом. Я занимался бегом, будучи студентом Орегонского университета, смог добиться заметных успехов, и в течение трех лет из четырех, проведенных в его стенах, имел право ношения логотипа университета на спортивной форме как постоян-

ный участник и призер соревнований. Но это было всё, что было, – конец. Теперь же, нарезая каждые шесть минут одну милю за другой, когда восходящее солнце уже опалило своими лучами хвою на нижних ветвях сосен, я спрашивал себя: а что, если бы нашелся способ, не будучи спортсменом, почувствовать то же, что чувствуют спортсмены? Все время играть вместо того, чтобы работать? Или же извлекать из работы столько удовольствия, что она, по существу, становилась бы игрой.

Мир был настолько переполнен войнами, болью и страданиями, а ежедневная рутина трудовых будней была настолько утомительна и зачастую несправедлива, что, возможно, как я думал, единственным ответом было бы найти какую-нибудь сногшибательную, невероятную мечту, которая показалась бы стоящей, способной принести радость и хорошо вписаться в ваши жизненные планы, после чего преследовать ее, как спортсмен, без колебаний и сомнений, прямодушно, с целеустремленностью и преданностью. Нравится вам это или нет, но жизнь – игра. Кто бы ни опровергал эту истину, кто бы просто ни отказывался сам играть, остается брошенным на обочине, а я этого не хотел. Не хотел этого сильнее, чем чего бы то ни было.

Подобные размышления, как всегда, привели меня к моей Безумной идее. Может быть, размышляя я, может быть, мне стоит еще разок взглянуть на свою Безумную идею. Может, моя Безумная идея вдруг... сработает?

Может быть.

Нет, нет, думал я, все больше ускоряя свой бег, будто преследуя кого-то *и одновременно* убегая от преследователей. Это *срабатывает*. Богом клянусь, я заставлю ее сработать. И никаких «может быть».

Неожиданно для себя я стал улыбаться. Чуть ли не смеяться. Весь в поту, продолжая привычно, раскрепощенно и ловко, без особых усилий бежать, я видел впереди перед собой свою сверкающую в лучах Безумную идею, и она вовсе не казалась мне безумной. Она даже не была похожа на идею. Она выглядела как некое место. Как человек или некая жизненная сила, которая существовала задолго до меня, отдельно от меня, но так же и как часть меня самого. Ожидая меня и одновременно прячась от меня. Все это, возможно, звучит несколько высокопарно, отчасти *безумно*. Но именно такие чувства я тогда испытывал.

Или, быть может, не испытывал. Возможно, память моя раздувает этот момент внезапного вдохновения – «Эврики!» или же объединяет в одно множество таких моментов озарения. А может быть, если такой момент действительно имел место, это было не более чем эйфория бегуна. Не знаю. Не могу сказать. Довольно воспоминаний о тех днях, месяцах и годах, в которых они покоятся, будто рассортированные в картотеке. Они растаяли, как те шаровидные морозные облачка, вылетающие при дыхании. Лица, числа, решения, казавшиеся когда-то неотложными и безоговорочно неизмен-

ными, все они канули в вечность.

Все, что тем не менее остается, – это одна утешительная уверенность, одна стабилизирующая правда, которая никогда не покинет нас. В возрасте 24 лет у меня *действительно* была Безумная идея, и каким-то образом, несмотря на головокружение от экзистенциальной тоски, страхи по поводу будущего и сомнения в себе, испытываемые мною, как и всеми молодыми людьми старше 20, но еще не достигших 30 лет, я *действительно* пришел к выводу, что мир сотворили безумные идеи. История – это один длинный гимн безумным идеям. То, что я любил больше всего в жизни – книги, спорт, демократию, свободное предпринимательство, – начиналось с безумных идей.

Впрочем, мало найдется идей, настолько же безумных, как мое любимое занятие – бег. Оно тяжелое. Болезненное. Рискованное. Награды малочисленны и далеко не гарантированы. Когда ты бежишь по овальной беговой дорожке или по безлюдной дороге, у тебя нет никакого реального пункта назначения. По крайней мере, ни одного, который бы в полной мере оправдал твои усилия. Само действие превращается в назначение. Дело не только в том, что впереди нет финишной черты, а в том, что ты сам определяешь, где ей быть. Какое бы удовольствие или выгоду ты ни получал от бега, ты должен найти их внутри самого себя. Все дело в том, в какую рамку ты обрамляешь то, что делаешь, и как продаешь это самому себе.

В ВОЗРАСТЕ 24 ЛЕТ Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРИШЕЛ К ВЫВОДУ, ЧТО МИР СОТВОРИЛИ БЕЗУМНЫЕ ИДЕИ.

Каждому бегуну это известно. Ты бежишь и бежишь, оставляя за собой милю за милей, и никогда не знаешь наверняка зачем. Ты говоришь себе, что своим бегом ты преследуешь некую цель, следуешь за каким-то порывом, но на самом деле ты бежишь потому, что альтернатива твоему бегу – остановка – до смерти пугает тебя.

Так что в то утро, в 1962 году, я сказал себе: пусть все назовут твою идею безумной... просто продолжай двигаться. Не останавливайся. Даже думать не смей об остановке до тех пор, пока не достигнешь цели, и особо не заморачивайся о том, где она. Что бы ни случилось, просто не останавливайся.

Это был скороспелый, пророческий, срочный совет, который мне удалось дать самому себе, неожиданный, как гром среди ясного неба, и каким-то образом я сподобился им воспользоваться. Полвека спустя я верю, что это – лучший совет, а возможно, и единственный, который каждый из нас должен когда-нибудь дать.

Часть первая

Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее.

Льюис Кэрролл.

Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье

Безумная идея

Когда я затронул эту тему с отцом – когда я собрался с духом, чтобы поговорить с ним о своей Безумной идее, я постарался, чтобы это произошло с наступлением вечера. Это было лучшее время для общения с папой. Он тогда расслаблялся, хорошо поужинав, располагался, вытянув ноги, в своем виниловом кресле в уголке, где он смотрел телевизор. До сих пор я могу, откинув голову и закрыв глаза, слышать смех аудитории в телестудии и резковатые звуки музыкальных заставок его любимых сериалов «*Караван повозок*» и «*Сыромятная плеть*».

Его постоянным любимцем был Ред Баттонс. Каждый эпизод начинался с песни Реда: «*Хоу-хоу, хии-хии... странные*

творяются дела». Я поставил стул с прямой спинкой рядом с отцом, слабо улыбнулся ему и подождал, пока не наступила очередная рекламная пауза. Я много раз репетировал про себя, что и как сказать, особенно с чего начать. *«Ну-у, пап, ты помнишь ту Безумную идею, которая пришла мне в голову в Стэнфорде?...»*

Это случилось в одном из моих выпускных классов, на семинаре по предпринимательству. Я написал курсовую работу по специализации, посвятив ее обуви, и эта работа превратилась из заурядного задания во всепоглощающую навязчивую идею. Будучи спортсменом-бегуном, я кое-что знал о кроссовках. Как человек, увлеченный бизнесом, я знал, что японские фотоаппараты совершили внушительный прорыв на рынке фотокамер, на котором прежде доминировали немцы. Поэтому я доказывал в своей письменной работе, что японские кроссовки могут произвести аналогичный эффект. Эта идея заинтересовала меня, затем вдохновила и, наконец, покорила. Она казалась такой очевидной, такой простой, такой потенциально огромной.

Я потратил многие недели, чтобы подготовить курсовую. Я переселился в библиотеку, поглощая все, что я мог найти об импорте и экспорте и о том, как создать компанию. Наконец, как и требовалось, я выступил с официальной презентацией курсовой перед сокашниками, которые отреагировали с формальной скукой на лицах. Никто не задал ни единого вопроса. Мои страстность и энергия были встречены тяжки-

ми вздохами и бессмысленными взглядами.

Профессор думал, что моя Безумная идея заслуживает внимания: поставил мне «отлично». Но это – всё. По крайней мере, предполагалось, что на этом все закончилось. Я же не переставал думать о своей курсовой. На протяжении всего оставшегося времени в Стэнфорде, во время каждой утренней пробежки и вплоть до того момента в телевизионном уголке нашего дома я размышлял о том, как поехать в Японию, найти там обувную компанию и закинуть японцам свою Безумную идею в надежде получить от них более восторженную реакцию, чем от сокашников, услышать, что они хотели бы вступить в партнерские отношения с застенчивым, худым как щепка мальчишкой из заспанного Орегона.

Я также обыгрывал в мыслях, как совершу экзотическое путешествие в Японию и обратно. Как я смогу оставить след в мире, думал я, если прежде не выберусь, чтобы посмотреть его? Перед большим забегом тебе всегда хочется пройти по беговой дорожке, чтобы опробовать ее. Путешествие вокруг света с рюкзаком за плечами, резонно заключал я, это может быть как раз то, что надо. В то время никто не говорил о *bucket-списках* (списках заветных желаний, реализовать которые человек намерен до конца жизни. – Прим. пер.), но, думаю, это понятие ближе всего к тому, что у меня было на уме. До того как умереть, одряхлеть или погрязнуть в каждодневных мелочах, я хотел посетить самые красивые и удивительные уголки планеты.

И самые святые. Я, разумеется, хотел попробовать иную пищу, услышать иную речь, окунуться в другую культуру, но то, чего я действительно жаждал, была связь с заглавной буквы «С». Я хотел испытать то, что китайцы называют Тао, греки – Логосом, индусы – Гьяной, буддисты – Дхармой. То, что христиане называют Святым Духом. Прежде чем пуститься в свое собственное, личное плавание по жизни, думал я, дайте мне прежде понять более великий путь, пройденный человечеством. Позвольте мне исследовать грандиозные храмы и церкви, святилища, святые реки и горные вершины. Позвольте мне ощутить присутствие... Бога?

Да, сказал я себе, да. Именно Бога – лучшего слова не подобрать.

Но прежде мне надо было получить одобрение у отца.

Более того, мне потребовались бы его деньги.

За год до этого я уже упоминал о своем намерении совершить большое путешествие, и, похоже, отец тогда был готов выслушать мою просьбу. Но наверняка он об этом забыл. И я, разумеется, нажимал на это, добавляя к первоначальному предложению свою Безумную идею, эту дерзкую поездку с отклонением от основного маршрута – чтобы посетить Японию? Чтобы организовать свою компанию? Бессмысленный разговор о бесполезной поездке.

Наверняка он посчитает, что я зашел слишком далеко, согласиться со мной означало бы сделать слишком большую уступку. И чертовски дорогостоящую. У меня были некото-

рые сбережения, сделанные за время службы в армии, включая зарплату за временную подработку в летнее время в течение нескольких последних лет. Сверх того я намеревался продать свою машину, темно-вишневый родстер «Эм-джи» 1960 года с гоночными шинами и двумя распредвалами (такой же автомобиль водил Элвис в фильме «*Голубые Гаваны*»). В общей сложности это тянуло на тысячу пятьсот долларов, и мне не хватало еще тысячи, как я заявил отцу. Он кивал, хмыкал, издавал неопределенное «М-м-м-м» и быстро переводил глаза от телеэкрана ко мне и обратно, пока я все это ему выкладывал.

Помнишь, как мы говорили, пап? Как я сказал, что хочу увидеть мир?

Гималаи? Пирамиды?

Мертвое море, пап? Мертвое *море*?

Ну, так вот, ха-ха, я также думаю сделать остановку в Японии, пап. Помнишь мою Безумную идею? Про японские кроссовки? Да? Это могло бы стать грандиозным делом, пап. Грандиозным.

Я сгущал и пересаливал, заседал, будто впаривал товар, перебарщивая, потому что всегда ненавидел торгашество и потому что шансы протолкнуть мой «товар» равнялись нулю. Отец только что раскошелился на сотни долларов, оплачивая мою учебу в Орегонском университете, и еще на многие тысячи – за Стэнфорд. Он был издателем газеты «*Орегон джорнел*», это была отличная работа, позволявшая опла-

чивать все основные удобства для жизни, включая наш просторный белый дом на улице Клейборн, в самом тихом пригороде Портленда – в Истморленде. Но богачом отец не был.

Кроме того, шел 1962 год. Земля тогда была больше. Хотя люди уже начинали кружить на орбите вокруг планеты в своих капсулах, 90 процентов американцев все еще ни разу не летали на самолете. Средний американец или американка ни разу в жизни не рискнули удалиться от входной двери своего дома дальше чем на сто миль, поэтому даже простое упоминание о кругосветном путешествии на самолете расстроило бы любого отца, особенно моего, чей предшественник на посту издателя газеты погиб в авиакатастрофе.

Даже отменяя в сторону деньги, отмахиваясь от соображений безопасности, все равно вся эта затея выглядела такой нежизнеспособной. Мне было известно, что двадцать шесть компаний из двадцати семи прогорали, и моему отцу это было тоже хорошо известно, и идея взвалить на себя такой колоссальный риск противоречила всему, за что он выступал. Во многом мой отец был обычным сторонником епископальной системы церковного управления, верующим в Иисуса Христа. Но он также поклонялся еще одному тайному божеству – респектабельности. Дом в колониальном стиле, красивая жена, послушные дети – моему отцу нравилось все это иметь, но еще больше он дорожил тем, что его друзьям и соседям было известно, чем он располагает. Ему нравилось, когда им восхищались. Он любил (иносказательно выража-

ясь) ежедневно энергично плавать на спине в доминирующей среде. Поэтому в его понимании идея отправиться во круг света забавы ради просто была лишена смысла. Так не делалось. Во всяком случае, не порядочными детьми порядочных отцов. Такое могли позволить себе дети других родителей. Такое вытворяли битники и хипстеры.

Возможно, основной причиной заикливости моего отца на респектабельности была боязнь хаоса внутри него самого. Я ощущал это нутром, поскольку время от времени этот хаос прорывался у него наружу. Бывало, раздавался телефонный звонок в гостиной на первом этаже – без предупреждения, поздно ночью, и когда я поднимал трубку, то слышал все тот же рассудительный голос: «Приезжай, забери-ка своего старика».

Я надевал плащ – в такие ночи всегда казалось, что за окном моросит дождь, – и ехал в центр города, где находился отцовский клуб. Помню этот клуб так же отчетливо, как собственную спальню. Столетний, с дубовыми книжными полками от пола до потолка и креслами с подголовниками, он походил на гостиную английского загородного дома. Другими словами, был в высшей степени респектабелен.

Я всегда находил отца за одним и тем же столом, в одном и том же кресле, всегда бережно помогал ему подняться. «Ты в порядке, пап?» – «Конечно, в порядке». Я всегда выводил его на улицу, к машине, и всю дорогу домой мы делали вид, что ничего не случилось. Он сидел совершенно прямо, почти

в царственной позе, и мы вели беседу о спорте, поскольку разговором о спорте я отвлекал себя, успокаивал во время стресса.

Отцу спорт тоже нравился. Спорт всегда респектабелен. По этим и дюжине других причин я ожидал, что отецотреагирует на мой зондаж у телевизора, наморщив лоб и быстрым уничижительным высказыванием: «Ха-ха, Безумная идея. Ни малейшего шанса, Бак». (Мое имя с рождения Филипп, но отец всегда звал меня Баком. Вообще-то он звал меня так еще до моего появления на свет. Мама рассказывала мне, что у него была привычка поглаживать ей живот и спрашивать: «Как там сегодня поживает маленький Бак?») Однако как только я замолчал, как только я перестал расписывать свой план, отец качнулся вперед в своем виниловом кресле и уставился на меня смешливым взглядом. Сказал, что всегда сожалел, что в молодости мало путешествовал. Сказал, что предполагаемое путешествие может добавить последний штрих к моему образованию. Сказал много другого, но все сказанное было больше сконцентрировано на поездке, нежели на Безумной идее, но я и не думал поправлять его. Не собирался я и жаловаться, поскольку в итоге он давал мне благословение. И деньги. «О'кей, – сказал он. – О'кей, Бак. О'кей».

Я поблагодарил отца и выбежал из уголка, где он смотрел телик, прежде чем у него появился бы шанс передумать. Лишь позже я с чувством вины осознал, что именно отсут-

ствие у отца возможности путешествовать было скрытой, а возможно, и главной причиной того, что я хотел отправиться в поездку. Эта поездка, эта Безумная идея оказалась бы верным способом стать другим, чем он. Менее респектабельным.

А возможно, и не менее респектабельным. Может, просто менее одержимым респектабельностью.

Остальные члены семьи оказались не настолько благосклонны. Когда моя бабушка пронюхала о моем маршруте, один из пунктов назначения в особенности разволновал ее. «Япония! – вскричала она. – Зачем, Бак? Всего лишь несколько лет тому назад япошки намеревались перебить нас! Ты что, *забыл*? Перл-Харбор! Японцы пытались завоевать весь мир! Некоторым из них невдомек, что они проиграли! Они скрываются! Они могут захватить тебя в плен, Бак. Выколоть тебе глаза. Всем известно, что они это делают... Твои *глаза!*»

Я любил мать своей матери. Мы все звали ее мамаша Хэтфильд. И я понимал ее страх. До Японии было почти так же далеко, как до Розберга, фермерского поселка городского типа в штате Орегон, где она родилась и прожила всю свою жизнь. Много раз я проводил там лето у бабушки и деда Хэтфильдов. Чуть ли не каждую ночь мы усаживались на крыльце, слушая, как кваканье синеногих литорий (здоровенных лягушек-быков, издающих звуки, больше похожие на мычание, – откуда их английское название, – а не на кваканье. –

Прим. пер.) соперничает со звуками, издаваемыми напольным радиоприемником. В начале 1940-х радио у всех было всегда настроено на трансляцию новостей о войне.

А новости эти всегда были плохими.

Японцы, как нам многократно сообщали, не проиграли ни одной войны за последние 2 тысячи 600 лет, и, похоже, ничто не указывало на то, что они проиграют нынешнюю. Битву за битвой мы терпели поражение за поражением, пока наконец в 1942 году Гэбриэл Хиттер, работавший в радиосети «*Мьючуал бродкастинг*», не начал свое ночное радиосообщение с пронзительного восклицания: «Всем добрый вечер – сегодня есть *хорошие новости!*» Американцы наконец-то одержали победу в решающей битве. Критики буквально на шампур насадили Хиттера за его бесстыжее подбадривание, напоминающее пританцовывание девушек из группы поддержки на стадионе, за отказ от любых претензий на журналистскую объективность, но ненависть публики к Японии была настолько сильна, что большинство радиослушателей приветствовали Хиттера как народного героя. После этого он неизменно начинал свои радиорепортажи с фразы: «*Хорошие новости* к сегодняшнему вечеру!»

Из моих самых ранних воспоминаний: мама и папа Хэтфильды сидят со мной на крыльце, папаша Хэтфильд снимает карманным ножиком кожуру с желтого яблока сорта Гравенштейн, отрезает и дает мне кусочек, сам съедает такой же, затем дает мне следующий, затем повторяет все снова и сно-

ва до тех пор, пока эта процедура разделки яблока вдруг резко не замедляется. В эфире Хиттер. *Тсс! Тише!* Я все еще вижу, как мы все сидим и жуем яблоки, глаза на ночное небо, будучи настолько поглощены мыслью о Японии, что чуть ли не ожидаем увидеть, как японские истребители «Зеро» проносятся на фоне созвездия Большого Пса. Неудивительно, что во время моего первого в жизни полета на самолете, когда мне было лет пять, я спросил: «Пап, нас япошки не собьют?»

Хотя слова мамы Хэтфильд заставили волосы на моей голове зашевелиться от страха, я стал уговаривать ее не волноваться, говоря, что все у меня будет в порядке и что я даже привезу ей кимоно в подарок. Моим сестрам-близнецам, Джин и Джоан, бывшим на четыре года моложе меня, похоже, было абсолютно все равно, куда я отправлялся и что я делал.

А моя мама, как помню, ничего не сказала. Она вообще редко высказывалась. Но на этот раз в ее молчании чувствовалось нечто иное. Что-то похожее на одобрение. Даже на гордость.

Я затратил недели на чтение, планирование, подготовку к поездке. Совершал длинные пробежки, раздумывая на бегу над каждой деталью и одновременно соревнуясь с дикими гусями, пролетающими надо мной в плотном V-образном строю. Я где-то вычитал, что гуси, пристроившиеся в конце клина и использующие как подъемную силу завихрения вос-

ходящего воздушного потока, образуемые впереди летящими, – обратную тягу, затрачивают лишь 80 процентов энергии по сравнению с вожаком и летящими впереди птицами. Каждому бегуну это понятно. Бегущим впереди бегунам всегда приходится труднее, и они рискуют больше других.

Задолго до того, как я обратился к отцу, я решил, что было бы хорошо иметь компаньона в поездке, и таким компаньоном должен стать мой сокашник по Стэнфорду Картер. Хотя он и был звездой по кручению обруча в колледже имени Уильяма Джюэлла, Картер не стал типичным студентом-спортсменом, недалеким и помешанным на спорте. Он носил очки с толстыми стеклами и читал книги. Хорошие книги. С ним было легко говорить и легко молчать – в равной степени важные качества друга. Жизненно необходимые для компаньона при совместном путешествии.

Но Картер рассмеялся мне в лицо. Когда я положил перед ним список мест, которые хотел бы посетить, – Гавайи, Токио, Гонконг, Рангун, Калькутту, Бомбей, Сайгон, Катманду, Каир, Стамбул, Афины, Иорданию, Иерусалим, Найроби, Рим, Париж, Вену, Западный Берлин, Восточный Берлин, Мюнхен, Лондон, – он сложился пополам и захохотал. Я опустил глаза и стал извиняться, после чего Картер, продолжая смеяться, проговорил: «Что за клевая идея, Бак!» Я оторвал глаза от пола. Он надо мной не смеялся. Он смеялся от радости, с ликованием. Он был впечатлен. Нужно действительно иметь смелость, чтобы составить подобный маршрут, сказал

он. Точнее, железные яйца. Он хотел войти в команду.

– НЕ ПОЗВОЛЯЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ
НЕУДАЧАМ ПОКОЛЕБАТЬ ТЕБЯ. – ПОЧТИ ВСЕ
НЕУДАЧИ В МИРЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫ.

Спустя несколько дней он получил «добро» от своих родителей, а также кредит от отца. Картер никогда не суетился без толку. Увидел лазейку – жми вперед! – таков был Картер. Для себя я решил: мне многому можно было бы научиться у такого парня, путешествуя с ним вокруг света.

Каждый из нас упаковал по одному чемодану и одному рюкзаку. Только самое необходимое, как мы договорились друг с другом. Несколько пар джинсов, несколько футболок. Кроссовки, обувь для пустыни, солнцезащитные очки плюс пара летнего солдатского обмундирования – сантан (слово, обозначавшее в 1960-х легкую армейскую форму защитного цвета «хаки»).

Упаковал я и один хороший костюм. Зеленый, с двумя пуговицами, от Brooks Brothers. Просто на тот случай, если моя Безумная идея даст плоды.

7 сентября 1962 года погрузились мы с Картером в потрепанный старый «Шеви» и рванули на предельной скорости по межштатной автостраде 15, через долину Вилламетт, прочь из лесистого юга штата Орегон, и впечатление было такое, будто мы продираемся сквозь корневища огромного дерева. Выскочили на заросшие соснами горные вершины Ка-

лифорнии, перебрались через зеленые перевалы высоко в горах, а затем помчались все ниже, ниже, до тех пор, пока уже далеко за полночь не въехали в Сан-Франциско. Несколько дней провели у друзей, спали у них на полу, а затем заскочили в Стэнфорд и взяли с собой некоторые вещи, находившиеся там у Картера на хранении. Наконец, заскочили в винный магазин и приобрели там два билета со скидкой на самолет авиакомпании «*Стандарт Эйрлайнз*» в Гонолулу. В одну сторону, за 80 долларов.

Казалось, прошло каких-то несколько минут, прежде чем мы с Картером ступили на песчаную полосу аэропорта Оаху. Мы выкатили свой багаж, взглянули на небо и подумали: нет, небо не такое, как дома.

Шеренга красивых девушек с нежными взглядами и оливковой кожей шагнула нам навстречу. Они были босыми, с гиперподвижными бедрами, на которых подергивались и шуршали их юбки из травы, – и все это у нас на глазах. Мы с Картером переглянулись, и наши губы расплылись в медленной улыбке.

Мы взяли такси до пляжа Вайкики и зарегистрировались в мотеле – через дорогу от моря. В одно мгновение мы побросали свой багаж и натянули плавки. И наперегонки к воде!

Как только мои ноги коснулись песка, я завопил, засмеялся и сбросил свои тапочки, после чего рванул бегом, что было сил, прямо в волны. Я не останавливался до тех пор,

пока не оказался по шею в пене. Нырнул, достав до самого дна, а затем вынырнул, хватая ртом воздух и смеясь, и перевернулся на спину. Наконец, спотыкаясь, вышел на берег и шлепнулся на песок, улыбаясь птицам и облакам. Должно быть, я выглядел, как пациент, сбежавший из сумасшедшего дома. У Картера, сидевшего теперь рядом со мной, было такое же безумное выражение лица.

«Нам надо остаться здесь, – сказал я. – К чему спешить с отъездом?»

«А как же План? – спросил Картер. – Объехать вокруг света?»

«Планы меняются».

Картер усмехнулся: «Классная идея, Бак».

Поэтому мы нашли себе работу. Продавать энциклопедии вразнос, от двери до двери. Уж точно не гламурное занятие, но, черт подери, мы начинали работать не раньше семи часов вечера, что давало нам массу времени для серфинга. Неожиданно ничего важнее того, чтобы научиться серфингу, не осталось. Потребовалось всего несколько попыток, чтобы я уже мог стоять во весь рост на доске, а спустя несколько недель я уже смотрелся молодцом. Действительно был неплох.

Работая и зарабатывая, мы съехали со своего номера в мотеле и арендовали квартиру – меблированную студию с двумя кроватями: одной настоящей и одной псевдокроватью – типа гладильной доски, откидывающейся от стены. Картер,

будучи выше и тяжелее, получил настоящую кровать, а я – гладильную доску. Мне было все равно. После того как я целый день занимался серфингом и продавал энциклопедии, а потом засиживался допоздна в местных барах, я был готов уснуть в яме из-под костра, вокруг которого шумит *луау*, – гавайская вечеринка с музыкой и танцами. Арендная плата составляла сто баксов в месяц, и мы вносили ее, разделив пополам между собой.

Жизнь была сладкой. Жизнь была раем. За исключением одной мелочи. Я не мог продавать энциклопедии.

Я не мог продавать энциклопедии, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Чем взрослее я становился, тем застенчивее я был, и один вид того, что мне крайне неудобно, часто заставлял незнакомых мне людей ощущать ту же неловкость. Таким образом, продажа чего бы то ни было бросала мне вызов, но продажа *энциклопедий*, которые на Гавайях были почти так же популярны, как комары и приезжие с материка, превращалась в тяжелое испытание. Как бы ловко и настойчиво ни произносил я ключевые фразы, на которые нас натаскивали во время краткой предварительной тренировки («Ребята, говорите людям, что вы не энциклопедии продаете, а Огромное Сокращенное Изложение Всех Человеческих Знаний... Ответы на Вопросы Жизни!»), реакцию я получал всегда одну и ту же.

Сматывай удочки, малыш.

Если моя застенчивость стала причиной тому, что у ме-

ня не получалось продавать энциклопедии, то моя природа вынуждала меня презирать это занятие. Я не был настолько крепок, чтобы справляться с такими дозами отторжения. Я замечал это в себе еще со школы, потом на первом курсе, когда меня вывели из бейсбольной команды. Незначительная неудача, по большому счету, но она поколебала меня. Так ко мне пришло первое настоящее осознание того, что далеко не каждому в этом мире мы будем нравиться и не каждый примет нас, что нас часто отбрасывают в сторону в тот самый момент, когда нам больше всего нужно, чтобы нас позвали к себе.

Никогда не забуду тот день. Я вернулся домой шатаясь, таща за собой биту, после чего засел в своей комнате, как в норе, убивался с горя и хандрил до тех пор, пока мама не подошла к краю моей кровати и не сказала: «Хватит».

Она настоятельно советовала мне попробовать заняться чем-то другим. «Чем же?» – простонал я в подушку.

«Как насчет того, чтобы заняться бегом?» – спросила она.

«Бегом?» – переспросил я.

«Ты можешь быстро бегать, Бак».

«Думаешь, могу?» – вновь переспросил я, приподнявшись.

Так что я выбрал беговую дорожку и обнаружил, что *могу* бегать. И никто этого не мог у меня отнять.

Теперь же я отказался от продажи энциклопедий, а заодно и ото всех прежних отторжений и неприятий, связанных

с этим занятием, и принялся за чтение объявлений о найме на работу. Мгновенно обратил внимание на небольшое объявление, обведенное толстой жирной рамкой. *Требуется: продавцы ценных бумаг*. Я, разумеется, подумал, что мне больше повезет с продажей ценных бумаг. В конце концов, у меня была степень МВА, а перед тем, как покинуть дом, я прошел довольно успешное интервью в фирме «Дин Уиттер».

Я провел некоторые исследования и обнаружил, что у этой работы есть две особенности. Во-первых, она имела отношение к компании Investors Overseas Services, возглавляемой Бернардом Корнфельдом, одним из известнейших финансистов 1960-х годов. Во-вторых, представительство компании располагалось на верхнем этаже красивой высотки с окнами, выходящими на морской пляж, – 20-футовыми окнами с потрясающим видом на бирюзовое море. И то и другое импонировало мне, заставив меня приложить максимум усилий, чтобы выдержать интервью. Каким-то образом, после нескольких недель безуспешных попыток уговорить кого-нибудь приобрести энциклопедию, я уломал команду Корнфельда рискнуть и испытать меня в деле.

Необычайный успех Корнфельда и вдобавок захватывающий дух вид из окон способствовали тому, чтобы забыть и почти не вспоминать о том, что фирма была не более чем котельной. Корнфельд был известен своим пресловутым выяснением у сотрудников, *искренне* ли они хотят стать бога-

тыми, и каждый день дюжина молодых волчар демонстрировала, что да, они *искренне* этого хотят.

Яростно, самозабвенно терзали они свои телефоны, занимались навязчивым «холодным обзвоном» перспективных клиентов, отчаянно выбивая договоренности о личных встречах «на человеческом уровне».

Я не был виртуозным говоруном, я вообще не умел вести разговор. Тем не менее я умел считать и знал продукт – фонды Дрейфуса. Более того, я знал, как говорить правду. Людям, похоже, это нравилось. Я смог быстро составить график нескольких предстоящих встреч и совершить несколько продаж. В течение недели я заработал на комиссионных достаточно, чтобы выплатить свою половину арендной платы за жилье на полгода вперед, причем у меня еще осталось вполне достаточно денег на воск для серфборда.

Бульшую часть своего дискреционного дохода я тратил на дайв-бары, облепившие побережье. Туристы предпочитали тусоваться на люксовых курортах, названия которых звучали как заклинания, – Моана, Халекулани, но мы с Картером отдавали предпочтение дайв-барам. Нам нравилось сидеть с нашими приятелями – бичниками и пляжными бездельниками, искателями приключений и бродягами, довольствуясь и упиваясь лишь одним своим преимуществом. Географией. Эти лопухи-неудачники, оставшиеся дома, бывало, говорили мы. Жалкие олухи, как лунатики бредут они по своей нудной жизни, сгрудившись в кучу, страдая от холода и дождя.

Почему они не могут быть больше похожими на нас? Почему не могут поймать момент, наслаждаться каждым днем?

Наше ощущение того, что надо следовать призыву *carpe diem* (и жить, пока живется, пользуясь моментом. – Прим. пер.), усиливалось тем фактом, что мир подходит к концу. Ядерное противостояние с Советами нарастало в течение последних нескольких недель. Советы разместили три дюжины ракет на Кубе, Соединенные Штаты хотели, чтобы они их убрали оттуда, и каждая из сторон сделала свое окончательное предложение. Переговоры были закончены, и Третья мировая война могла начаться в любую минуту. Согласно газетам, ракеты начнут падать нам на голову уже в конце дня. Самое позднее – завтра. Мир превратился в Помпеи, и вулкан уже начал выплевывать пепел. Ну, что ж, каждый сидевший в дайв-барах согласился, что, когда придет конец человечеству, отсюда будет не хуже, чем из любого другого места, наблюдать за разрастающимися грибовидными облаками ядерного взрыва. *Алоха*, цивилизация.

А затем – сюрприз, мир спасен. Кризис прошел. Небо, казалось, вздохнуло с облегчением, а воздух стал неожиданно более бодрящим и неподвижным. Наступила идеальная гаваньская осень. Время довольства и чего-то близкого к блаженству.

Вслед за этим последовало ощущение острого беспокойства. Однажды вечером я поставил свою бутылку пива на барную стойку и повернулся к Картеру. «Я думаю, может,

нам пришло время сваливать из Шангри-Ла...» – проговорил я (Шангри-Ла – вымышленная страна из новеллы Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт». – *Прим. пер.*).

Я не давил. Мне казалось, что этого не требовалось. Было ясно, что пришло время вернуться к нашему Плану. Но Картер нахмурился и почесал свой подбородок. «Ну, знаешь, Бак, я не знаю».

Он познакомился с девушкой. Красивой гавайской девушкой-подростком с длинными коричневыми ногами и иссиня-черными глазами, похожей на девушек, встречавших нас в аэропорту, такую, какую я сам мечтал найти для себя, но никогда не найду. Он хотел задержаться, и как я мог возразить?

Я ответил, что понимаю. Но почувствовал себя так, будто я потерпел кораблекрушение. Я вышел из бара и прошелся не спеша по пляжу. Игра закончена, сказал я себе.

Последнее, что я хотел бы сделать, было пойти упаковать вещи и вернуться в Орегон. Но в равной степени не мог я представить себе, как путешествую вокруг света в одиночку. Возвращайся домой, говорил мне слабый внутренний голос. Найди нормальную работу. Будь нормальным человеком.

Вслед за этим я услышал другой слабый голос, столь же выразительный: нет, не возвращайся домой. Иди дальше. Не останавливаясь.

На следующий день в котельной я подал заявление об

увольнении по истечении предстоящих двух недель. «Очень жаль, Бак, – сказал один из боссов. – Перед тобой, как специалистом, открывалось блестящее будущее». «Боже упаси», – пробормотал я.

В тот же день в турагентстве, располагавшемся поблизости, я приобрел авиабилет с открытой датой, действительный на целый год и дающий право лететь куда угодно любой авиакомпанией. Что-то вроде экономичного проездного железнодорожного билета *Eurail*, только для авиаполетов. В День благодарения 1962 года я забросил за плечи рюкзак и пожал Картеру руку. «Бак, – напутствовал меня он, – только нигде не бери деревянных пятицентовиков».

Командир экипажа обратился к пассажирам, выпалив что-то по-японски, как из скорострельной пушки, и я начал потеть. Выглянув из окна, я увидел на крыле самолета пылающий красный круг. Мамаша Хэтфильд была права, подумал я. Лишь недавно мы были в состоянии войны с этими людьми. Коррехидор, Батаанский марш смерти, Изнасилование Нанкина – и теперь я направляюсь к ним с некоей идеей о коммерческом предприятии?

Безумная идея? Может быть, я действительно сошел с ума.

Даже если это так, было уже слишком поздно искать профессиональной помощи. Самолет с металлическим клетком пробежал по взлетной полосе и уже парил с ревом над гавайскими песчаными пляжами цвета кукурузного крахма-

ла. Я смотрел сверху на массивные вулканы, становившиеся все меньше и меньше. Пути назад не было.

Поскольку это был День благодарения, в качестве еды в полете была предложена фаршированная индейка в клюквенном соусе. Поскольку мы направлялись в Японию, нам также принесли сырого тунца, суп мисо и горячий саке. Я съел все, одновременно читая книжки в мягких обложках, которыми я набил свой рюкзак. *«Над пропастью во ржи»* и *«Голый обед»*. Я отождествлял себя с Холденом Колфилдом, подростком-интровертом, искавшим свое место в мире, но Берроуз оказался выше моего понимания. *Старьевщик не продает свой товар потребителю, а продает потребителя своему товару.*

Для меня это чересчур. Я отключился. Когда я проснулся, мы уже совершали крутой, быстрый спуск. Внизу под нами раскинулся поразительно яркий Токио. Квартал Гиндза, в частности, был похож на рождественскую елку.

По дороге в гостиницу, однако, я видел вокруг только темноту. Огромные участки города были будто погружены в густую черную жидкость. «Война, – пояснил таксист. – Во многих зданиях еще остались неразорвавшиеся бомбы».

Американские «Б-29». «Суперкрепости». За несколько летних ночей 1944 года эти бомбардировщики, накатываясь волнами, сбросили 750 000 фунтов бомб, большинство из которых было заполнено бензином и легковоспламеняющимся «желе». Один из старейших городов мира, Токио был

построен в основном из дерева, поэтому зажигательные бомбы устроили огненный ураган. Заживо моментально сгорели почти 300 тысяч человек, в четыре раза больше, чем погибло в Хиросиме. Более миллиона получили чудовищные увечья. И почти 80 процентов зданий буквально испарились. В течение следовавших долгих мрачных пауз ни я, ни водитель больше не проронили ни звука. Сказать было нечего.

Наконец таксист притормозил около дома, чей адрес был написан в моей записной книжке. Убогое общежитие. Более чем убогое. Я забронировал комнату через «Американ экспресс», за глаза, допустив ошибку, как я теперь понял. Я пересек выщербленный тротуар и вошел в дом, готовый развалиться.

Старушка японка за стойкой поклонилась мне. Потом я осознал, что она не кланялась, а была сгорблена от старости, как дерево, побитое многими бурями. Она медленно провела меня в мою комнату, больше похожую на ящик. Циновка татами на полу, однобокий столик, и больше ничего. Мне было все равно. Я едва заметил, что татами был тоньше вафельки. Я поклонился старушке, пожелав ей спокойной ночи. *Оясуми насай*. Я свернулся калачиком на циновке и тут же вырубился.

Спустя несколько часов я проснулся от того, что комната была залита ярким светом. Я подполз к окну. По всей видимости, я оказался в каком-то промышленном районе на городской окраине. Заполненный портовыми доками и завода-

ми, этот район, должно быть, оказался основной мишенью для бомбардировщиков «Б-29». Куда бы я ни взглянул, везде видел полное опустошение. Здания, покрытые трещинами или полностью разрушенные. Квартал за кварталом просто сровняло с землей. Они исчезли.

К счастью, у моего отца были знакомые в Токио, включая группу американцев, работавших в информационном агентстве «Юнайтед пресс интернэшнл». Я отправился к ним на такси, и ребята по-семейному приняли меня. Угостили кофе и сдобным кольцом с орехами, а когда я рассказал им, где провел ночь, расхохотались. Они же забронировали мне место в чистом, приличном отеле, а затем составили мне список нескольких пристойных мест, где можно питаться.

Что ты, ради всего святого, делаешь в Токио? Я объяснил, что совершаю кругосветку. А затем упомянул о своей Безумной идее. «Ух ты», – отреагировали они, немного выкатив на меня глаза, и назвали двух отставных военных, выпускавших ежемесячный журнал под названием «*Импортер*». «Переговори с парнями из «*Импортера*», – сказали они, – прежде чем сделаешь что-нибудь опрометчивое».

Я пообещал, что переговорю. Но прежде мне не терпелось посмотреть город.

С путеводителем и камерой «Минольта» в руках я разыскал несколько переживших войну достопримечательностей – старинные храмы и святилища. Я провел долгие часы, сидя на скамейках в садах, обнесенных заборами, и читая о гос-

подствующих в Японии религиях – буддизме и синтоизме. Я дивился концепциям *кэнсё*, или сатори, – просветление, которое наступает как вспышка, как ослепляющий взрыв. Вроде лампы на моей «Минольте». Мне это нравилось. Я хотел этого.

Но прежде мне понадобилось бы полностью изменить мой подход. У меня было линейное мышление, а, согласно дзен, линейное мышление – не что иное, как заблуждение, одно из многих, делающих нас несчастными. Реальность нелинейна, утверждает дзен. Нет будущего, нет прошлого. Всё – настоящее.

В каждой религии, кажется, самость – это препятствие, враг. А в учении дзен прямо говорится, что самость не существует. Самость – мираж, горячая галлюцинация, и наша упрямая вера в ее реальность не только впустую расходует жизнь, но и укорачивает ее. Самость – это наглая ложь, которой мы ежедневно сами себя обманываем, а для счастья требуется, чтобы можно было видеть сквозь ложь, развенчивая ее. Для того чтобы *изучать себя*, говорил дзен-мастер XIII века Догэн, значит *забыть себя*. Голос внутри себя, голоса вне вас – все это одно и то же. Нет никаких разделительных линий.

Особенно в соперничестве. Победа, говорит дзен, приходит, когда мы забываем себя и противника, являющихся не чем иным, как двумя половинками одного целого. В книге «Дзен и искусство стрельбы из лука» все это изложено с кри-

стальной четкостью. *Совершенство в искусстве владения мечом достигается... когда сердце более не тревожится мыслью о «я» и «ты», о сопернике и его мече, о собственном мече и о том, как его использовать... Всё – пустота: ты сам, сверкающий меч и руки, управляющие им. Даже сама мысль о пустоте исчезает.*

У меня все поплыло в голове, и я решил прерваться, чтобы посетить совершенно не схожую с искусством дзен достопримечательность, фактически самое антидзеновское место в Японии, особый анклав, где люди сосредоточены исключительно на самих себе и ни на чем другом, – Токийскую фондовую биржу. Располагающаяся в мраморном здании романского стиля с огромными греческими колоннами, биржа (То-шо, как ее называют японцы) выглядела с улицы как массивный и малопривлекательный банк в каком-нибудь городке штата Канзас. Внутри, однако, все походило на бедлам. Сотни мужчин махали руками, дергали друг друга за волосы и пронзительно кричали. Более порочная версия котельной Корнфелда.

Я не мог отвести глаза. Смотрел и смотрел, спрашивая себя, неужели все сводится к этому. В самом деле? Я ценил деньги, как любой другой, но я хотел, чтобы моя жизнь вместила в себя куда больше, стала бы глубже, шире, важнее.

После биржи мне потребовалось умиротворение. Я углубился в самое сердце города, где царила тишина, в парк императора XIX века Мэйдзи и его императрицы, туда, где само

пространство, как полагают, обладает невероятной духовной силой. Я сидел, погрузившись в мирозерцание, благоговая, под покачивающимися ветвями деревьев гинкго, вблизи от красивейших врат Тории. Я вычитал в путеводителе, что врата Тории считаются порталом в святые места, и я буквально погружался в сакральность, в безмятежное спокойствие, пытаясь вобрать все это в себя.

На следующее утро я зашнуровал свои кроссовки и трусцой побежал на Цукидзи, крупнейший в мире рыбный рынок. Вновь я оказался на Тошо, только вместо акций там были креветки. Я наблюдал, как рыбаки, чей вид, похоже, не изменился с древних времен, раскладывали свой улов на деревянных тележках и торговались с оптовиками, лица которых были будто обшиты кожей. Тем же вечером я отправился в район озер, что в северных горах Хаконэ, в ту область, которая вдохновила множество великих дзен-поэтов. «Вы не можете идти по пути, пока сами не стали Путем», – говорил Будда, и я стоял в благоговении перед тропой, которая, извиваясь, бежала от гладких как стекло озер к окутанной облаками горе Фудзи, идеальному треугольнику, укрытому снегом, что показалось мне точной копией горного пика Худ у нас дома. Японцы верят, что при восхождении на Фудзи приобретается мистический опыт, что это не просто подъем, а ритуальный акт торжества, и меня переполнило желание тут же подняться на гору. Я хотел подняться в облака, однако решил подождать. Вернусь, когда у меня будет что отпразд-

новать.

Я вернулся в Токио и явился в редакцию «Импорттера». Двое отставников – владельцы журнала, оба с толстыми шеями, мускулистые, страшно занятые, как мне показалось, готовы были по-армейски устроить мне разнос за вторжение и пустую трату их времени. Но спустя несколько минут их грубоватое обличье растаяло без следа, и они уже тепло и дружелюбно приветствовали меня, говоря, что им приятно встретить кого-то из родных краев. В основном наш разговор шел о спорте. Можете ли вы поверить, что «Янки» снова выиграли Кубок? А что вы скажете о Вилли Мейсе? Лучше его никого нет. Так точно, сэр, никого лучше.

Потом они рассказали мне свою историю. Они оказались первыми американцами из всех, кого я знал, кто любил Японию. Расквартированные здесь во время оккупации, они попали под чары культуры, кулинарии, женщин, и когда срок их службы подошел к концу, они просто не нашли в себе сил уехать. Поэтому они основали журнал, освещавший вопросы импортной торговли, когда никто и нигде не был заинтересован в том, чтобы импортировать что-то японское, и каким-то образом сумели остаться на плаву в течение последующих семнадцати лет.

Я поделился с ними своей Безумной идеей, и они выслушали ее с интересом, заварили кофе и пригласили меня присесть с ними. Намеревался ли я импортировать японскую обувь какой-то определенной модели? Я им ответил, что мне

нравятся кроссовки «Тайгер», симпатичный бренд фирмы «Оницука» в Кобе, крупнейшем городе на юге Японии.

«Да-да, мы их видели», — сказали они.

Я сообщил, что думаю отправиться туда, чтобы встретиться с представителями «Оницуки» лицом к лицу.

«В таком случае, — сказали бывшие вояки, — тебе стоит узнать кое-что о том, как заниматься бизнесом с японцами.

Ключевой момент здесь, — сказали они, — не быть назойливым. Не наседай, как типичный американский придурок, типичный *гайдзин* — грубый, громогласный, агрессивный, не допускающий отказа на свой вопрос. Японцы плохо реагируют, когда им пытаются что-то навязать. Переговоры здесь, как правило, ведутся в мягкой, выразительной форме. Вспомни, сколько времени потребовалось американцам и русским, чтобы уговорить Хирохито сдаться. И даже когда он наконец сдался, когда его страна лежала в руинах, покрытых пеплом, что он сказал своему народу? Военная ситуация не сложилась в пользу Японии. Это культура уклончивости и опосредованности. Никто тебе здесь наотрез не откажет. Никто никогда не скажет прямо в лоб «нет». Но они и «да» не говорят. Они говорят так, будто кругами ходят, в их фразах не услышишь упоминания четкого предмета или объекта. Не отчаивайся, но и не задирайся. Ты можешь, покидая местный офис, подумать, что завалил сделку, когда на самом деле тот, с кем ты вел переговоры, готов на нее. Ты также можешь думать, уходя, что сделка заключена, тогда как на

самом деле она была отвергнута. Никогда не знаешь».

Я нахмурился. Даже при самых благоприятных обстоятельствах я не был хорошим переговорщиком. Теперь же мне предстояло вести переговоры в каком-то балагане с кривыми зеркалами? Где нормальные правила не действуют?

После того как я провел час, выслушивая эти обескураживающие поучения, я пожал руки бывшим воякам и попрощался с ними. Неожиданно почувствовав, что больше ждать не могу, что я должен как можно быстрее начать действовать, пока их слова еще оставались свежи в моей памяти, я поспешил в гостиницу, упаковал все свои вещи в чемодан и рюкзак и позвонил в «Оницуку» с просьбой назначить мне встречу. В конце того же дня я сел в поезд, отправлявшийся в южном направлении.

Япония славится своим безупречным порядком и чрезвычайной чистотой. Японская литература, философия, одежда, домашняя жизнь – все это на удивление целомудренно и скромно. Все подчинено принципу минимализма. *Ничего не ожидай, ничего не ищи, ничего не осмысливай* – бессмертные японские поэты написали строки, которые, казалось, шлифовались и шлифовались до тех пор, пока не зазвенели, как острие самурайского меча или камни в горном ручье. Стали безупречными.

Так почему же, с удивлением спрашивал я себя, этот идущий в Кобе поезд такой грязный? Полы в нем были завалены газетами и усеяны окурками. На сиденьях полно апель-

синовой кожуры и выброшенных газет. Хуже того, все вагоны были битком набиты людьми, и едва можно было найти место, чтобы хотя бы стоять.

Я нашел болтавшийся у окна ремень-держак и, ухватившись, провисел на нем семь часов, пока поезд, раскачиваясь, медленно проползал мимо отдаленных деревушек и ферм размером не больше обычного заднего двора в Портленде. Поездка была долгой, но ни мои ноги, ни терпение сдаваться не думали. Я был слишком занят, вновь и вновь перебирая в памяти уроки, извлеченные из общения с бывшими вояками.

Прибыв на место, я снял небольшую комнату в дешевой рёкан. Встреча в «Оницуке» была назначена мне на раннее утро следующего дня, так что я сразу же улегся на татами, но был слишком взволнован, чтобы уснуть. Я проворочался на циновке большую часть ночи и на рассвете встал обесиленным, уставившись на свое тощее и тусклое отражение в зеркале. Побрившись, надел свой зеленый костюм от Брукс Бразерс и подбодрил сам себя напутственной речью.

Ты способен. Ты уверен. Ты можешь это сделать. Ты способен СДЕЛАТЬ это.

А затем пошел, но не туда.

Я явился и представился в выставочном зале «Оницуки», тогда как меня ждали на фабрике «Оницуки» – на другом конце города. Я кликнул такси и помчался туда как угорелый, опоздав на полчаса. Не показав вида, группа из четырех

невозмутимых руководителей фирмы встретила меня в вестибюле. Они поклонились мне, я – им. Один из них шагнул вперед, сказал, что его зовут Кен Миядзаки и что он хотел бы провести меня для ознакомления по фабрике.

Это была первая обувная фабрика, увиденная мною. Все, что я там увидел, было мне интересным. Даже музыкально мелодичным. Каждый раз, когда заканчивалась формовка очередного ботинка, металлическая колодка падала на пол с серебристым звоном, издавая мелодичное *КЛИНЬ-клонь*. Через каждые несколько секунд – *КЛИНЬ-клонь*, *КЛИНЬ-клонь*, концерт сапожника. Руководителям фирмы, похоже, эти звуки тоже нравились. Они улыбались, глядя на меня, и с улыбкой переглядывались между собой.

Мы прошли через бухгалтерию. Все, кто был в комнате, мужчины и женщины, повскакивали со своих мест и стали в унисон кланяться, демонстрируя *кей* – жест почтения, в знак уважения американского магната. Я когда-то вычитал, что английское слово *tycoon* (магнат) образовано от японского *тайкун*, что означает «военачальник». Я не знал, как выказать свою признательность их *кею*. Кланяться или не кланяться – в Японии этот вопрос всегда возникает. Я изобразил слабую улыбку, сделал полупоклон и продолжил движение.

Руководители предприятия сообщили мне, что они выпускают пятнадцать тысяч пар обуви в месяц. «Впечатляет», – отвечал я, понятия не имея, много это или мало. Они

привели меня в конференц-зал и указали на кресло, стоявшее во главе длинного овального стола. «Мистер Найт, – произнес кто-то, – прошу *сюда*».

Почетное место. Еще больше *уважения*. Они расположились вокруг стола, привели в порядок свои галстуки и уставились на меня. Настал момент истины.

Я репетировал эту сцену про себя столько раз – не меньше, чем я это делал перед каждым своим забегом, еще задолго до выстрела стартового пистолета. В человеке существует некое первобытное стремление сравнивать все – жизнь, бизнес, всевозможные приключения – с бегом наперегонки. Но такая метафора часто оказывается недостаточной. Она имеет свои границы, и вывести вас за свои пределы не в состоянии.

Будучи не в состоянии вспомнить, что я хотел сказать и даже почему я там оказался, я сделал несколько судорожных вдохов. Все зависело от того, смогу ли я оказаться на высоте положения. *Все*. Если не смогу, если упущу шанс, буду обречен провести остаток своих дней, продавая энциклопедии, облигации взаимных фондов или какой-нибудь другой мусор, не имеющий для меня совершенно никакого интереса. Я стану разочарованием для родителей, моей школы, родного города. Для самого себя.

Я взглянул на лица сидевших вокруг стола. Всякий раз, когда мысленно представлял себе эту сцену, я упускал один ключевой момент. Я не смог предвидеть, насколько ощути-

мой будет Вторая мировая война в этом зале. А война была прямо там, рядом с нами, между нами, добавляя подтекст к каждому произносимому нами слову. *Всем добрый вечер – сегодня пришли хорошие новости!*

И вместе с тем ее там *не было*. Благодаря их стойкости, стоическому признанию полного поражения и героическому возрождению нации японцы начисто выбросили войну из головы. Кроме того, эти руководители, сидевшие в конференц-зале, были такими же молодыми, как и я, и можно было видеть, что они чувствовали – война не имеет к ним никакого отношения.

С другой стороны, их отцы и дяди пытались убить моих близких.

С другой стороны, прошлое было прошлым.

С другой стороны, весь этот вопрос побед и поражений, нависающий тучами над таким огромным числом сделок и усложняющий их, становится еще более запутанным, когда потенциальные победители и проигравшие оказываются сегодня вовлеченными, пусть через посредников или по вине своих предков, в глобальное пожарище.

От всего этого внутреннего спора, этой мечущейся из стороны в сторону путаницы у меня в голове появился какой-то тихий гул, я ощутил неловкость, к которой я не был готов. Реалист, сидящий во мне, хотел признать это, а идеалист, сидящий там же, – отбросить это в сторону. Я кашлянул в кулак. «Господа», – начал я.

Г-н Миязаки прервал меня: «Мистер Найт, на какую компанию вы работаете?» – спросил он.

«Что же, да, хороший вопрос».

По моим венам будто прокачали адреналин, моя реакция была схожа с готовностью к бегству, я ощутил сильнейшее желание убежать и спрятаться, что заставило меня вспомнить о самом безопасном месте в мире. О родительском доме. Дом был построен несколько десятилетий тому назад людьми со средствами, людьми, у которых денег было куда больше, чем у моих родителей, а потому архитектор прикинул жилое помещение для челяди к задней части хозяйского дома, и эта пристройка стала моей спальней, которую я заполнил бейсбольными карточками, альбомами пластинок, плакатами, книгами – всеми свято неприкосновенными вещами. Я также украсил одну из стен своими *blue ribbons* – голубыми лентами, полученными мною в награду за выступления на беговой дорожке, – единственными вещами в моей жизни, которыми я беззастенчиво гордился. Итак? «Блю Риббон, – выпалил я. – Господа, я представляю компанию «Блю Риббон Спортс оф Портленд», штат Орегон».

Г-н Миязаки разулыбался. Другие руководители фирмы тоже. По комнате прокатился шепот. *Блюриббон, блюриббон, блюриббон*. Начальники сложили руки и вновь умолкли, по-прежнему сверля меня взглядами. «Итак, – опять заговорил я, – господа, американский рынок обуви огромен. И в значительной степени не освоен. Если «Оницука» сможет выйти

на него, если «Оницука» сможет пробиться со своими кроссовками «Тайгер» в американские магазины, предложив цену, которая будет ниже цены на кроссовки «Адидас», которые теперь носят большинство американских спортсменов, это могло бы оказаться весьма прибыльным предприятием».

Я просто цитировал свою презентацию курсовой в Стэнфорде дословно, приводя доводы и статистику, на запоминание и изучение которых я затратил долгие недели, и это помогло создать иллюзию красноречия. Я мог видеть, что руководители компании были впечатлены. Но когда я подошел к концу изложения своей идеи, наступила щемящая тишина. Затем один из присутствующих прервал ее, вслед за ним – другой, и вот уже все они заговорили громкими, возбужденными голосами, перекрывая друг друга. Обращаясь не ко мне, а друг к другу.

Затем все резко встали и покинули зал.

Было ли это основанным на японском обычае способом отказаться от Безумной идеи? Встать всем вот так, в унисон, и выйти? Я что, так запросто растерял к себе все уважение – весь свой *кей*? Я что, сброшен со счетов? Что я должен сделать? Мне что, просто... уйти?

Через несколько минут они вернулись. Они несли эскизы, образцы, которые г-н Миязаки помог разложить передо мной. «Мистер Найт, – обратился он, – мы давно подумываем об американском рынке». – «Да?» – «Мы уже продаем наши борцовки в Соединенных Штатах. На... э-э... северо-во-

стоке. Но мы уже долгое время обсуждаем вопрос о поставке обуви другого ассортимента в иные регионы в Америке».

Они продемонстрировали мне три различные модели кроссовок «Тайгер». Тренировочные (повседневные) кроссовки для бега, названные ими *Limber Up* («Разминайся!»). «Симпатичные», – сказал я. Шиповки для прыжков в высоту, названные ими *Spring Up* («Подскакивай!»). «Симпатичные», – сказал. И шиповки для метания диска, которые были названы ими *Throw Up* («Подбрасывай!»). Не смейся, приказал я себе. Не... смейся.

Они забросали меня вопросами о Соединенных Штатах, об американской культуре и потребительских тенденциях, о различных видах спортивной обуви, которая продавалась в американских магазинах спортивных товаров. Спрашивали меня, насколько велик, в моем представлении, американский рынок обуви, насколько большим он мог бы стать, и я ответил им, что в конечном счете он мог бы достигнуть одного миллиарда долларов. До сих пор не могу точно сказать, откуда взялась эта цифра. Они откинулись назад и переглянулись между собой в изумлении. Теперь же, к моему удивлению, они стали засыпать вопросами *меня*. «Заинтересуется ли «Блю Риббон» в том, чтобы... представить кроссовки «Тайгер»? В Соединенных Штатах?» – «Да, – отвечал я, – да, *заинтересуется*».

Я поднял образец кроссовки *Limber Up*. «Это хорошие кроссовки, – сказал я. – Такие я смогу продавать». Я попро-

сил их немедленно отправить мне образцы. Я сообщил им свой адрес и обещал выслать им денежный перевод на пятьдесят долларов.

Они встали и низко поклонились. Я тоже низко им поклонился. Мы пожали руки. Я вновь поклонился. Они тоже вновь поклонились. Мы все улыбались. Войны никогда не было. Мы были партнерами. Братьями. Встреча, которая, как я полагал, займет пятнадцать минут, продолжалась два часа.

Из «Оницуки» я отправился прямо в ближайший офис «Америкен экспресс», откуда отправил письмо отцу: *«Дорогой папа: срочно. Прошу сразу же отправь телеграфом пятьдесят долларов в адрес «Оницука корпорейшн», Кобе».*

Хоу-хоу, хии-хии... странные творятся дела.

Вернувшись в гостиницу, я стал ходить кругами вокруг своей циновки татами, стараясь принять решение. Часть моего существа хотела рвануть назад в Орегон, ждать посылки с образцами, оседлать свое новое деловое предприятие. Кроме того, я с ума сходил от одиночества, отрезанный от всего и всех, кого я знал. Случайно увидев газету «Нью-Йорк таймс» или журнал «Тайм», я чувствовал, как к горлу подкатывал комок. Я был как потерпевший кораблекрушение, кем-то вроде современного Робинзона Крузо. Я хотел вновь оказаться дома. Сейчас же.

И все же. Я все еще сгорал от любопытства, чтобы изведать мир. Я все еще хотел видеть, исследовать.

Любопытство одержало верх.

Я отправился в Гонконг и прошелся по сумасшедшим, хаотичным улочкам, ужасаясь при виде безногих, безруких нищих, стариков, стоящих на коленях в грязи рядом с вопившими о милостыни сиротами. Старики были немыми, но дети с воплями повторяли мольбу: *«Эй, богатый человек, эй, богатый человек, эй, богатый человек»*. Они рыдали и шлепали ладонями о землю. Даже после того, как я раздал им все деньги, которые были у меня в карманах, плач не переставал.

Я пришел на окраину города, забрался на вершину пика Виктория и вглядывался вдаль, туда, где лежал Китай. В колледже я читал сборник афоризмов Конфуция: *«Тот, кто передвигает горы, сначала убирает маленькие камешки»*. И теперь я с особой силой ощутил, что у меня никогда не появится возможности сдвинуть эту конкретную гору. Никогда не смогу я приблизиться к этой отгороженной стеной мистической земле, и мысль эта заставила меня почувствовать себя неизъяснимо грустно. Это было чувство незавершенности.

Я поехал на Филиппины, где творились такие же безумие и хаос. И где бедность была в два раза страшнее. Я медленно, как в кошмарном сне, шел по Маниле, сквозь бесконечные толпы народа и не поддающиеся измерению заторы, продвигаясь к гостинице, в которой Макартур когда-то занимал пентхаус. Я восхищался всеми великими полководцами, от Александра Великого до Джорджа Паттона. Я ненавидел войну, но любил воинственный дух. Ненавидел меч, но лю-

бил самураев. И из всех великих ратных людей в истории я считал наиболее убедительным Макартура. Эти его солнцезащитные очки Ray-Bans, эта его курительная трубка из кочерыжки кукурузного початка – уверенности ему было не занимать. Блестящий тактик, мастер мотивации, да, кроме того, еще возглавил Олимпийский комитет США. Как мне не любить его?

Конечно, он был глубоко порочен. Но он знал об этом. *«Вас помнят, – заявил он пророчески, – из-за правил, которые вы нарушаете».*

Я хотел забронировать на ночь его бывший номер люкс. Но позволить себе такие расходы не мог.

Однажды придет день, поклялся я. Однажды я вернусь сюда.

Я отправился в Бангкок, где проплыл на длинной лодке с шестом через мутные болота до рынка под открытым небом, который показался мне тайской версией Иеронима Босха. Я ел птиц, фрукты и овощи, которых ранее никогда не видел и никогда больше не увижу. Мне пришлось уворачиваться от рикш, скутеров, мотоповозок, прозванных *тук-тук*, и слонов, пока я добирался до Ват Пхра Кео и одной из самых священных статуй в Азии – огромного шестисотлетнего Будды, вырезанного из одного куска нефрита. Стоя перед ним и вглядываясь в его безмятежно спокойное лицо, я спросил: *«Почему я здесь? В чем моя цель?»*

ВАС ПОМНЯТ ИЗ-ЗА ПРАВИЛ, КОТОРЫЕ ВЫ

НАРУШАЕТЕ.

Я подождал.

Ничего.

Или же ответом мне было молчание.

Я поехал во Вьетнам, где улицы (Сайгона. – *Прим. пер.*) ошетинились штыками американских солдат и, казалось, гудели от страха. Каждый знал, что приближается война и что она будет уродливой до невозможности и совершенно другой. Это будет война по Льюису Кэрроллу, война, в ходе которой американский офицер объявит: *«Мы должны были уничтожить деревню, чтобы спасти ее»*. За несколько дней до Рождества, в 1962 году, я отправился в Калькутту, где снял комнату размером с гроб. Ни кровати, ни стула – места для них не было. Лишь гамак, подвешенный над вспенившейся дырой, – очком. Не прошло и нескольких часов, как я заболел. Возможно, вирус, переносимый воздушным путем, или пищевое отравление. В течение полных суток я был уверен, что не перенесу этого. Я знал, что умру.

Но каким-то образом я собрался с силами, заставил себя вылезти из этого гамака и на следующий день уже спускался нетвердой походкой вместе с тысячами пилигримов и дюжинами священных обезьян по крутой лестнице храма Варанаси. Ступени вели прямо в горячие воды бурлящего Ганга. Когда я уже был по пояс в воде, я поднял глаза – мираж? Нет, посреди реки происходили похороны. На самом деле несколько похорон. Я видел, как скорбящие входили в реку

и укладывали своих усопших близких на высокие деревянные похоронные дроги, а затем зажигали их. Меньше чем в двадцати шагах от этого действия другие люди спокойно купались. А другие утоляли жажду той же водой.

Упанишады говорят: «*Веди меня от нереального к реальному*», – так что я бежал от нереального. Я добрался до Катманду на самолете и прошел пешком прямо до чистой белой стены Гималаев. На спуске я задержался на переполненной базарной площади (*чоук*) и с жадностью проглотил там миску с буйволятиной, обжаренной только снаружи и красной от крови внутри. *Чоук*, как я заметил, был заполнен тибетцами в сапогах с голенищами из красной шерсти и верхом из зеленой замши с загнутыми вверх носками, почти как полозья саней. Неожиданно я стал *замечать*, какую обувь носят люди вокруг меня.

Я вернулся в Индию, канун Нового года провел, слоняясь по улицам Бомбея, петляя и пробираясь между волами и коровами с длинными рогами, чувствуя, что у меня начинается раскалывающая голову мигрень, – от шума, запахов, красок и яркого света. Далее я продолжил свой путь, переехав в Кению, где совершил длинную поездку на автобусе в самую гущу бушей. Гигантские страусы пытались обогнать автобус, а аисты (скорее всего, это были фламинго, а не аисты. – *Прим. пер.*) размером с питбулей плавали буквально за окном. Каждый раз, когда водитель останавливался где-то на полпути в никуда, чтобы подвезти нескольких воинов

племени масаи, в автобус пытались заскочить один или два бабуина, и тогда водитель и воины с мечами, похожими на мачете, бросались на бабуинов и преследовали их. Перед тем как спрыгнуть с автобуса, бабуины оглядывались через плечо и бросали на меня взгляд уязвленной гордости. Прости, старик, мысленно отвечал я. Если б только это от меня зависело.

Далее был Каир, плато Гиза, я стоял рядом с кочевниками пустыни и их драпированными в шелк верблюдами у ног Большого Сфинкса, и все мы, шурясь, вглядывались в его вечно открытые глаза. Солнце било своими лучами мне по голове, то же солнце, что обрушивало свой жар на тысячи тех, кто построил эти пирамиды, и на миллионы посетителей, приходившим сюда потом. Ни об одном из них ничего не осталось в памяти, думал я. Все – суета, говорится в Библии. Существует только настоящее, говорит учение дзен. Все – пыль, говорит пустыня.

Я направился в Иерусалим, к священной горе, на которой Авраам приготовился принести в жертву сына, к скале, где Мухаммед начал свое восхождение на небеса. В Коране говорится, что скала хотела присоединиться к Мухаммеду и последовать за ним, но Мухаммед ступил на скалу и остановил ее. Отпечаток его стопы, как говорят, до сих пор виден на камне (изложение суры 17 из Корана дано автором неверно. – *Прим. пер.*). Был ли он босым или же обутом? В полдень я съел ужасный обед в темной таверне, в окружении черно-

рабочих, чьи лица были перепачканы сажей. Все выглядели до нельзя уставшими. Они медленно жевали, с отсутствующим взглядом, будто зомби. Почему мы должны так умирать на работе? – спрашивал я себя. *Посмотрите на лилии, как они растут... не трудятся, не прядают*. И тем не менее живший в I веке н. э. раввин Элеазар бен-Азария говорил, что наша работа – самое святое, что есть в нас. *Все гордятся своим ремеслом. Если Господь называет работу Своею, то человек тем более должен гордиться своим ремеслом*.

Съездил я и в Стамбул, подсел на турецкий кофе, плутал по извилистым улочкам, выходившим на Босфор. Останавливался, чтобы запечатлеть сверкающие на солнце минареты, прошел по золотым лабиринтам дворца Топкапы, резиденции османских султанов, где теперь хранится меч Мухаммеда. *«Не спи хотя бы ночь одну, – писал Руми, персидский поэт, живший в XIII веке. – Тобой желаемое страстно само к тебе придет»*.

«Тепло душевное согреет, и ты увидишь чудеса».

Дальше – Рим, несколько дней провел, прячась по маленьким трактирам, перемалывая горы макарон, заглядываясь на красивейших женщин и на самые красивые туфли из когда-либо виденных мною (римляне в эпоху цезарей верили, что, надевая вначале правый, а затем левый ботинок, это приносит процветание и удачу). Я внимательно осмотрел руины спальни Нерона, грандиозные развалины Колизея, необъятные залы и комнаты Ватикана. Избегая толпы,

я всегда оказывался у входа на рассвете, намереваясь быть первым в очереди. Но очередей никогда не было. Город оторопел от небывалого похолодания. Все достопримечательности были полностью в моем распоряжении.

Даже Сикстинская капелла. Оказавшись под потолком с фресками Микеланджело, я смог сколько моей душе было угодно изумляться и удивляться. Я прочитал в своем путеводителе, что, создавая свой шедевр, Микеланджело находился в подавленном состоянии. У него болели спина и шея. Краска постоянно попадала ему в волосы и глаза.

Он дожидаться не мог, когда закончит, говорил он друзьям. Если даже самому Микеланджело не нравилась его работа, думал я, на что же надеяться всем нам?

Я поехал во Флоренцию. Потратил несколько дней на поиски Данте, читая Данте, озлобленного, сосланного мизантропа. Мизантропия у него возникла до или после? Была ли она причиной или же результатом его озлобления и ссылки?

Я стоял перед Давидом, потрясенный выражением гнева в его глазах. У Голиафа не оставалось *шанса*.

Поездом добрался до Милана, интимно пообщался с Давинчи, рассмотрел его красивые записные книжки и подивился его своеобразным навязчивым мыслям. Главная из них была о человеческой ноге. *Шедевре инженерного искусства*, как он сам ее называл. *Произведения искусства*.

Кем я был, чтобы спорить?

В последний мой вечер в Милане я слушал оперу в теат-

ре «Ла Скала». Предварительно я проветрил свой костюм от Брукс Бразерс и с гордостью носил его, оказавшись среди итальянцев, затянутых в смокинги, пошитые на заказ, и итальянок в платьях, усыпанных драгоценностями. Все мы с восхищением слушали «Турандот». В тот момент, когда Калаф затянул арию *Nessun dorma*: «*Меркните, звезды! На рассвете я одержу победу, я одержу победу, я одержу победу!*» – глаза мои наполнились слезами, и с падением занавеса я вскочил с места. *Брависсимо!*

Далее мой путь лежал в Венецию, где я провел несколько томных дней, ходил по следам Марко Поло и простоял, не знаю как долго, перед палаццо Роберта Браунинга. *Если вы приобретете простую красоту и ничего больше, вы, пожалуй, будете обладать лучшим из того, что изобрел Бог.*

Время мое истекало. Дом звал меня. Я поспешил в Париж, спустился глубоко под землю в Пантеон, слегка прикоснувшись рукой к гробницам Руссо и Вольтера. *Люби истину, но будь снисходителен к заблуждениям.* Я снял номер в захудалой гостинице, посмотрел на потоки зимнего дождя, заливавшие переулок, который был виден из моего окна, помолился в Нотр-Дам и заблудился в Лувре. Купил несколько книг в магазине «Шекспир и Компания» и постоял в том месте, где спал Джойс и Ф. Скотт Фицджеральд. Потом медленно прошелся вдоль Сены, остановившись, чтобы выпить чашечку капучино в кафе, где Хемингуэй и Дос Пассос читали Новый Завет вслух друг другу. В последний день я про-

гулялся по Елисейским Полям, отслеживая путь освободителей и все время думая о Паттоне. *Не говорите людям, как делать вещи. Скажите им, что делать, и они удивят вас своей изобретательностью.*

Из всех великих генералов он больше других был одержим мыслями о солдатской обуви. *Солдат в ботинках – только солдат. Но в сапогах он становится воином.*

Я вылетел в Мюнхен, выпил кружку ледяного пива в Бюргербройкеллер, где Гитлер стрелял из пистолета в потолок и откуда начался путч. Я попытался посетить Дахау, но, когда обратился с вопросом, как туда проехать, люди отворачивались, делая вид, что не знают. Я отправился в Берлин и пришел на пограничный КПП Чекпойн Чарли. Русские часовые с плоскими лицами в тяжелых шинелях изучили мой паспорт, похлопали меня по спине и поинтересовались, что за дела у меня в коммунистическом Восточном Берлине. «Никакие», – ответил я. Я был в ужасе, ожидая, что они каким-то образом узнают, что я посещал занятия в Стэнфорде. Буквально перед тем, как я прибыл в Берлин, два студента из Стэнфорда попытались тайно переправить на «Фольксвагене» подростка на Запад. Их до сих пор держали в тюрьме.

Но часовые, пропуская меня, лишь помахали мне вслед. Немного пройдя, я остановился на углу Карл-Маркс-плац. Огляделся по сторонам. Ничего. Ни деревьев, ни магазинов, никакой жизни. Я вспомнил всю ту нищету, виденную мною в каждом уголке Азии. Но это была иная нищета, более

умышленная, что ли, и более предотвратимая. Я увидел троих детей, играющих на улице. Я подошел и сфотографировал их. Двое девятилетних мальчишек и девочка. Девочка – в красной шерстяной шапочке, розовом пальтишке – взглянула мне прямо в глаза и улыбнулась. Смогу ли я когда-нибудь забыть ее? Или ее туфельки? Они были из картона.

Я отправился в Вену, на тот судьбоносный, пахнущий душистым кофе перекресток, где в один и тот же исторический момент жили Сталин и Троцкий, Тито и Гитлер, Юнг и Фрейд и где они слонялись по одним и тем же душным кафе, планируя, как спасти мир (или покончить с ним). Я ходил по той же булыжной мостовой, по которой ходил Моцарт, пересек его изящный Дунай по красивейшему из всех виденных мною каменному мосту, остановился перед уходящими в небо шпилями собора Святого Стефана, в котором Бетховен обнаружил, что он оглох. Он поднял глаза, увидел испуганных птиц, взлетевших с колокольни, и, к своему ужасу, не услышал колокольного звона.

И наконец, я полетел в Лондон. Я быстро пошел к Букингемскому дворцу, потом в Уголок ораторов в Гайд-парке, в универмаг «Хэрродс». Выделил себе немного времени, чтобы посетить палату общин. Закрыв глаза, я вызывал в воображении дух великого Черчилля. *Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа – победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долог и тернист может ока-*

заться к ней путь... без победы мы не выживем. Я отчаянно хотел запрыгнуть в автобус, идущий в Статфорд, чтобы увидеть дом Шекспира. (Женщины елизаветинских времен носили красную шелковую розу на носке каждой туфли.) Но у меня истекло время.

Последнюю ночь я провел, перебирая в памяти все, что произошло во время моего путешествия, и делая заметки в дневнике. Я спросил себя, что было самым ярким?

Греция, подумал я. Вне всяких вопросов. Греция.

С тех пор как я впервые покинул Орегон, я был взволнован больше всего двумя пунктами, обозначенными на моем маршруте. Я хотел довести до сознания японцев свою Безумную идею. И я хотел постоять перед Акрополем.

За несколько часов до посадки в самолет в аэропорту Хитроу я продолжал медитировать, переживая вновь тот момент, когда я, закинув голову, смотрел на те удивительные колонны, испытывая такой же бодрящий шок, который вы получаете от любой необычайной красоты, наряду с сильнейшим чувством – узнавания.

Было ли это лишь моим воображением? В конце концов, я стоял там, где зародилась западная цивилизация. Может, я просто *хотел*, чтобы увиденное мною показалось знакомым. Нет, не думаю. Мною овладела абсолютно ясная мысль. Я уже бывал здесь раньше.

Затем, спускаясь по выцветшим ступеням, возникла новая мысль: вот где все это началось.

Слева от меня был Парфенон, свидетелем строительства которого был Платон, наблюдавший за группами архитекторов и рабочих. Справа – храм Афины Ники. Согласно моему путеводителю, двадцать пять веков тому назад в нем находился красивый фриз с изображением богини Афины, которая, как считалось, приносит победу.

Это было одним из достоинств и чудесных даров, которыми была наделена Афина. Она также вознаграждала ведущих переговоры о сделках. В трилогии Эсхила «*Орестея*» она говорит: «Я чту... взор убеждения». Она была, в некотором смысле, покровительницей переговорщиков.

Не знаю, как долго я там простоял, впитывая энергию и силу этого эпохального места. Час? Три часа? Не знаю, сколько времени прошло после того дня, когда я обнаружил пьесу Аристофана, действие которой происходит в храме Ники Аптерос. Там есть сцена, когда воин передает в дар царю пару новых башмаков. Не помню, когда до меня дошло, что пьеса называлась «*Всадники*» (Knights – аналогия с фамилией Фила Найта – Phil Knight. – *Прим. пер.*). Но точно знаю, что когда я развернулся, чтобы уходить, то заметил мраморный фасад храма. Греческие мастера украсили его незабываемой резьбой, живописующей несколько сцен, включая наиболее известную рельефную плиту, изображающую богиню, по непонятной причине наклонившуюся, чтобы... поправить ремешок на своей сандалиии.

24 февраля 1963 года мой двадцать пятый день рождения. Я вошел в дверь дома на улице Клейборн: волосы до плеч, борода в три дюйма длиной. Мать вскрикнула. Сестры заморгали, будто не узнавая меня, или же до них все еще не дошло, что я куда-то уезжал. Объятия, восклицания, взрывы смеха. Мать заставила меня присесть, налила мне чашку кофе. Она хотела все услышать. Но я был в изнеможении. Оставил чемодан и рюкзак в холле и направился к себе в комнату. Как сквозь туман, уставился на свои голубые ленты. Мистер Найт, как, говорите, называется ваша компания?

Я свернулся калачиком на кровати, и сон сошел на меня, как опускающийся занавес в «Ла Скала».

Час спустя меня разбудил мамин крик: «Ужинать!»

Отец вернулся с работы. Он обнял меня, как только я вошел в столовую. Он тоже хотел услышать все в подробностях. А я хотел ему все рассказать. Но прежде я хотел узнать одну вещь.

«Пап, – спросил я, – кроссовки прислали?»

Будьте тиграми!

Отец пригласил на кофе с пирожными и на просмотр «слайдов Бака» всех соседей. В полной покорности стоял я около проектора, погруженный в темноту, апатично нажимая на переключатель для перехода к следующему слайду и давая описание пирамид, храма Ники, но сам я в комнате отсутствовал. Я был у пирамид, в храме Ники. Я думал о заказанных кроссовках.

Прошло четыре месяца после той большой встречи в компании «Оницука», после того, как завязал связь с ее руководителями и убедил их своими аргументами или же я думал, что убедил, – а кроссовки так и не прислали. Я настроил письмо: *«Уважаемые господа, касательно нашей встречи осенью прошлого года, была ли у вас возможность отправить мне образцы?..»*

Затем я решил несколько дней отдохнуть, выспаться, постирать белье, встретиться со старыми друзьями.

Я получил быстрый ответ от «Оницуки». «Кроссовки высылаются, – говорилось в нем. – Прибудут буквально через несколько дней».

Я показал письмо отцу. Он поморщился. *Буквально через несколько дней?*

«Бак, – сказал он, посмеиваясь, – тех пятидесяти баксов уже давно нет».

Мой новый внешний вид – волосы, как у потерпевшего кораблекрушение и осевшего на необитаемом острове, борода, как у пещерного человека, – все это было слишком для мамы и сестер. Я ловил на себе их удивленные и хмурые взгляды. Я почти слышал, что они думают обо мне: бродяга. Поэтому я побрился. Стоя потом у небольшого зеркала на комод в той части дома, которая когда-то отводилась для прислуги, я сказал, обращаясь сам к себе: «Официальное заявление. Ты вернулся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.